
Мольер. Полное собрание сочинений в одном томе.
М.: "Издательство АЛЬФА-КНИГА", 2009. (Полное собрание в одном томе).
Перевод В. Лихачева
OCR Бычков М. Н. <mailto:bmnl@lib.ru>

ПРЕДИСЛОВИЕ К "ТАРТЮФУ",
НАПИСАННОЕ МОЛЬЕРОМ

Вот комедия, которая наделала много шума, была долго под запретом. Люди, которые в ней выведены, показали, что во Франции они сильнее всех, кого я выводил до сих пор. Маркизы, жеманницы, рогоносцы, доктора – все они кротко претерпели свою участь, когда их выводили на сцену, делали вид, что их забавляет списанная с них картина. Но лицемеры не желали претерпеть насмешек; они сначала осердились и нашли странным, как мог я возметь смелость вывести на сцену их ужимки и высмеять то, чему предается столь много добрых людей. Этого греха они не могли мне простить и ополчились скопом на мою комедию с ужасающе яростью. Они побоялись напасть на нее с той же стороны, с которой она их задела; они – хорошие политики и понимают жизнь достаточно хорошо, чтобы столь неосмотрительно выворотить дно своей души. По своей похвальной манере они прикрыли свои интересы благочестием; из своего дела сделали Божье дело. "Тартюф", по их толкованию, оскорбляет благочестие; он с начала до конца наполнен гнусностями, и в нем нет строчки, которая не заслуживала бы костра. Все слоги и буквы в нем преступны; каждый взгляд, каждое движение головой, каждый шаг вправо или влево скрывают в себе тайны, которые оказывается возможным истолковать в мое обвинение.

Тщетно отдавал я свою комедию на рассмотрение моих друзей, на общую цензуру. Ни мои исправления, ни суждение короля и королевы, которые ее видели, ни одобрение принцев и министров, которые открыто почтили ее представление своим присутствием, ни свидетельства благонамеренных людей, находивших пьесу полезною, – все это ни к чему не послужило. Враги не хотят отстать. И теперь все еще они ежедневно заставляют кричать усердствующих не по разуму, которые осыпают меня с видом благочестия бранью и проклинают из милосердия.

Я бы мало заботился о том, что они скажут, если бы они не ухитрились создать мне врагов в числе людей, которых я уважаю, и привлечь в свою клику истинно благонамеренных людей; они сумели воспользоваться их доверчивостью, а те, движимые пылом преданности к делам веры, всегда охотно поддаются впечатлениям. Вот что заставляет меня защищаться. Я хочу оправдать свою комедию в глазах истинно благочестивых людей и заклинаю их от всего сердца не осуждать прежде, чем они не увидят сами, отбросить всякое предубеждение и не служить орудием страсти тех, повадки которых бесчестят их.

Тот, кто возьмет на себя труд беспристрастно рассмотреть мою комедию, без сомнения, убедится, что мои намерения были вполне невинны, что пьеса вовсе не имеет в виду осмеяния того, что надлежит почитать, что я обработал ее со всею осторожностью, какой требовал такого рода сюжет, и что все мое искусство, все старание положил на то, чтобы отметить разницу между лицемером и искренно верующим. Я целых два акта посвятил на то только, чтобы подготовить появление моего злодея. Он ни одной минуты не обманывает зрителя; его сразу узнают по приданным ему мною признакам. От начала до конца он не говорит ни одного слова, не делает ни одного движения, которые не обличали бы перед зрителем дурного человека и не выделяли в то же время всего истинно благонамеренного, которого я ему противопоставляю.

Я знаю, эти господа стараются доказать, что о подобных вещах неуместно рассуждать в театре. Но я прошу у них позволения спросить их: на чем они основывают эту блестящую мысль? Они изрекают это положение, но доказать его не могут. И нет ничего легче, как доказать им, что у древних комедия прямо и произошла от религии, входила в состав религиозных обрядов, что наши соседи, испанцы, ни одного праздника не справляют без театрального зрелища, что и у нас начало комедии положено религиозным братством, которому и посейчас принадлежит Отель Бургонь, что здесь было отведено место для представления самых важных наших религиозных мистерий, что и теперь еще встречаются комедии, напечатанные готическим шрифтом, с именем сорбонского доктора, и, наконец, что незачем далеко ходить и достаточно указать на то,